

В.П. Тотфалушин, И. Готье

В РОССИЮ ПО ЖРЕБИЮ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО НОВОБРАНЦА

Наполеоновским войнам, и в первую очередь военно-историческим событиям той эпохи, посвящено колоссальное количество литературы. Однако в последнее время историко-культурологический и антропологический поворот в данной сфере привёл к формированию принципиально новых полей в рамках означенной темы. В частности, очень популярными стали разыскания, связанные с установлением жизненного пути того или иного участника тех событий.

В 1894 г. русский историк К.А. Военский опубликовал в газете «Новое время» нашумевшую статью о Н. Савене, попавшем в плен в ходе наполеоновского нашествия на Россию и прожившем последующие годы в Саратовской губернии¹. В момент выхода в свет этого сенсационного материала старик был ещё жив, до его смерти оставалось четыре месяца.

Весть о существовании в Саратове последнего ветерана времён Первой империи впечатлила современников и породила массу легенд, отчасти вдохновлённых самим Савенем. Он выдавал себя за выходца из знатного рода, будто бы 1768 г. рождения, офицера 2-го гусарского полка, прошедшего боевой путь от Египта до Березины, который, попав в плен, 82 года безвыездно прожил в Саратове, преподавая французский язык, и был хорошо знаком с саратовским губернатором А.Д. Панчулидзевым.

В условиях становления франко-русского союза общественность обеих стран конца XIX в. рукоплескала этому живому символу исторического примирения. Кем был на самом деле полумистификатор Никола Савен – нам удалось выяснить только совсем недавно².

В ходе тщательного расследования этого незаурядного случая наше внимание привлекло одно из писем, присланных ветерану из Франции на волне обнародования его истории. Оно пришло из Версаля от аббата Филибера, тюремного священника, было датировано 21 июля 1894 г. и ныне хранится среди многих других адресованных Савену в фонде Воинского Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. В нём аббат писал: «Упоминание Вашего имени, месье, пробудило давние детские воспоминания, по-особому заострив мое любопытство. Ведь моя мать, урождённая Савен, мне часто рассказывала об одном из своих родных братьев по имени Никола, который в своё время принял участие в походе на Россию и пропал в ней без вести. Некоторые его соратники давали противоречивые показания – то ли Никола Савен был смертельно ранен в ходе битвы под Москвой, то ли попал в плен при форсировании Березины. В общем – ничего достоверного.

Не являетесь ли Вы, месье, братом моей матери? моим дядей? Не родились ли Вы в Шапель-дю-Мон-де-Франс, деревушке вблизи Клюни и Макона (Бургундия. – *В.Т., И.Г.*)? Если да, то мы с Вами из одного и того же рода. Думаю, Вам будет понятно моё желание прояснить для себя этот вопрос. Были ли у Вас брат по имени Бенуа, сестра Антуанет, другая сестра Жаклин? Последняя, умершая полвека назад, и была моя мать. <...> Если действительно подтвердится родство между нами, я Вам напишу более обстоятельно о судьбе разных членов нашей семьи. Убеждён, что их история Вас заинтересует»³.

Нами были найдены и другие письма от «конкурентов», претендующих на родство с Савеном, но данное послание заинтересовало тем, что отличалось как минимум двумя особенностями. Во-первых, содержащиеся в нём детальные факты сами по себе открывали новый след, который требовал от нас конкретной архивной проверки. Во-вторых, автор письма видел себя потенциальным племянником волжского пленника явно не из обывательской легковёрности, каковой грешили другие претенденты, а на основании ряда объективных совпадений, им самим серьёзно взвешенных, о чём свидетельствовала осторожная стилистика обращения. Иными словами, мы имели дело с источником достойным внимания.

О самом Филибере известно немного, но в прессе тех лет сохранились доказательства его совестливого, выработанного по долгу службы, отношения к жизни. В частности, газета *Le Petit Parisien* в репортаже о публичной казни в Версале детоубийцы Бассэ упоминает отца Филибера в неблагодарной роли духовника смертника. Он принимает его испо-

ведь, поит ромом и подслащённым бордо, угощает табаком, провожает в фургоне до места казни и терпит его долгие объятия у подножья гильотины⁴. Очевидно, человек такого морального облика не мог взяться за перо без веских оснований, которые нам и надлежало расследовать.

Первый шаг заключался в поиске документальных свидетельств об упомянутой семье аббата, а именно соответствующих записей в приходских регистрах о крещении. Деревня с поэтическим названием Ля-Шапель-дю-Мон-де-Франс (Часовня-на-горе-во-Франции) относится к бургундскому департаменту Сон-э-Луар (71), административным (или префектурным) центром которого является г. Макон, а центром кантона – Матур. «Регистры о крещениях, погребениях и бракосочетаниях» хранятся в Маконском центре Департаментских архивов–71 и находятся в Интернете в открытом доступе, бесплатном, как, впрочем, и само посещение архивного здания департамента⁵.

Для начала удалось найти запись о бракосочетании родителей упомянутых братьев и сестёр за 17 января 1786 г. Жених – Клод Савен, вдовец, по профессии батрак, и невеста – Пьеретт Шардини были родом из той же деревни. Со стороны жениха свидетели расписываться не умели⁶.

Дальнейший просмотр регистров позволил установить даты рождения их многочисленных детей: дочерей Мари (1787), Жан-Мари (1788), Антуанет (1789), сыновей Пьера (1791), Бенуа (1794), Жака (1798) и, наконец, дочери Жаклин, родившейся 16 марта 1800 г. – матери священника Филибера.

В силу совпадения трёх названных аббатом имён с родившимися у Клода с Пьеретт детьми можно констатировать, что мы имеем дело именно с интересующей нас семьей. Однако смущает отсутствие среди детей сына по имени Никола. Поскольку трудно предположить, что совестливый священник придумал себе дядю под впечатлением публикаций «Фигаро», осталось подвергнуть проверке простую и логичную гипотезу: одного из сыновей звали «по жизни» Никола, но по-другому в документах. С такой специфической практикой, широко распространённой во французских провинциях вплоть до Первой мировой войны, хорошо знакомы историки и специалисты-генеалоги.

Из всех сыновей семейства под призыв мог попасть только один – Пьер Савен, крещённый 20 декабря 1791 г, а значит, родившийся несколькими днями раньше (возможно даже накануне)⁷. Однако для ответа на вопросы: попал ли Пьер под обязательный жеребьёвочный призыв в Великую армию и принял ли участие в походе на Россию, а

также зафиксирован ли его плен в военных контрольных регистрах, – пришлось ехать в бургундский город Макон⁸.

Исходя из логики предполагаемого времени призыва по возрасту, мы просмотрели рекрутские списки за 1811 г., которые велись по алфавиту очень аккуратно. В них и нашёлся искомый Пьер⁹. Оказалось, что несчастный попал в армию по жеребьёвке в начале весны (точная дата не указана) под номером 15. Сама жеребьёвка состоялась в Матуре – центре кантона, а избранных по жребию призывников-односельчан привёл в Макон сам мэ́р Ля-Шапель-дю-Мон-де-Франс, чья размашистая подпись стоит в начале списка.

Списки содержат словесный портрет нашего героя: рост – 1,652 м, светловолос (волосы, брови), лоб «закрыт» (волосами), рот «средний», подбородок «круглый», голубоглаз, нос «короткий», цвет кожи «с загаром». Далее сообщается профессия Савена – земледelec, а также то, что он проживает с отцом, а мать умерла. В записи об умершей матери любопытно, что вместо правильного прилагательного в женском роде «morte» жандарм написал «moge», т. е. произвольная женская форма от слова «mort» (в мужском роде) без учёта нормативной этимологии.

Столбец № 16 о «предъявленных жалобах с целью освобождения от службы» содержит запись: «Maux aux jambes de naissance. Demande visite» («Боли в ногах с рождения, прошение о врачебном осмотре»), которая однако перечёркнута. Как таковые случаи помарок и исправлений в рекрутских списках есть, но они крайне редки, эта очень похожа на со-рвавшуюся попытку «откосить» от службы (вообще по спискам жалобы на ноги не редки – стандартная «отмазка» призывников последних лет наполеоновской империи). Однако какое недоразумение или, возможно, ухищрение кроется за этим исправлением – можно только гадать.

В рекрутских списках не фиксировались части назначения, эту информацию пришлось искать в списках по назначениям, так называемых *États de situation des conscrits*¹⁰. Последние представляют собой сильно обветшавшие «простыни» без нумерации и порядка, куда записывали, по-видимому, по факту подхода к жандармскому столу в порядке живой очереди. Весь данный призыв рекрутов из Матура был определён в 18-й полк линейной пехоты. Пьер Савен фигурирует в них под тем же жеребьёвочным номером 15 и «номером контрольной записи» 124.

В списках по назначению указано, что бургундский контингент вышел из Макаона 26 апреля 1811 г. Куда именно – не уточнено, но

известно, что 18-й линейный был тогда расквартирован в оккупированной наполеоновскими войсками Голландии.

Мы просмотрели и контрольные списки 18-го полка линейной пехоты, хранящиеся в Военных архивах министерства обороны при замке Венсенн на восточной окраине Парижа, которые этот факт распределения подтвердили¹¹. Пьер Савен прибыл в полк 13 мая 1811 г. и был определён в 3-ю роту (compagnie) 4-го батальона. Он числится в списках под номером 9044. В них слово в слово перенесены все характеристики, зафиксированные в маконских рекрутских списках (только рост округлён на 1,65 м), причём ни о каких «болях в ногах» уже не упоминается.

Далее отслеживать путь этого полка и нашего героя не представляло особого труда благодаря двум ценнейшим опубликованным мемуарным источникам: посмертному изданию воспоминаний генерала Пьера Пеллепора (1773–1855)¹² и посмертному же дневнику капитана Гийома Боннэ (1784–1861)¹³. Пеллепор на тот момент командовал 18-м линейным в чине полковника после стремительного подъема по карьерной лестнице, начавшегося ещё в 1773 г. с добровольной записи рядовым солдатом в состав революционного ополчения. Боннэ же, швейцарец по происхождению, который стал французским подданным только в 1820 г., командовал одним из батальонов того же полка. Его дневник – редчайший случай, когда выдавший виды офицер вёл записи изо дня в день на протяжении всего похода, скрупулезно отмечая, у кого ночевали, кого ограбили, где застряли в грязи с обозами и т. д., а не восстанавливал картину *post factum*.

3 февраля 1812 г. 18-й линейный полк собрался в полном составе в Гааге, откуда ему и было приказано двинуться на Россию. Путь полка пролегал через Дюссельдорф и Лейпциг, далее последовала переправа через Одер в районе Франкфурга, а через Вислу в районе Торуня. 15 мая полк был уже в районе Кульма. Пеллепор вспоминал: «Нам отвели несколько деревень для добычи провизии к началу похода. До переправы через Неман каждый армейский корпус должен был собрать запасы сухарей (*biscuits*. – *В.Т., И.Г.*) на 15 дней, а живого мяса – на месяц. В этих целях нами был совершён настоящий набег»¹⁴.

9 июня полк вновь пустился в дорогу, таща за собой скот и повозки, нагруженные лепёшками и мукой. В ходе приближения к российской границе ему стали попадаться фургоны с инструментами, артиллерийские парки, грузовые подводы с боеприпасами, строительные части для возведения мостов и целая вереница госпитальных и управленческих экипажей.

21 июня, когда до Немана оставалось всего два лёё, Пельпорт, построив полк, насчитал 3,8 тыс. человек из 4 тыс., собранных в Гааге. Хотя потери полка были пока небольшими, перед Неманом у бойцов возникло чувство смутной тревоги. Пеллепор вспоминал: «Видавшие виды офицеры не смели делиться мыслями, наваянными началом столь странного похода»¹⁵.

После зрелищной переправы через Неман начались резкие перепады температуры в сторону похолодания, сопровождаемые дождями. В скором времени у солдат закончилась провизия, небывалый падёж косил скот и армейских лошадей, стали заболеть и пропадать люди. Пеллепор свидетельствует: «Хоть и не случилось сколько-нибудь серьёзных столкновений с врагом, но мы испытывали всё более серьезные трудности при добыче провизии. Каждый вечер мы разбивали лагерь и отправляли широко по левому флангу энергичных солдат в сопровождении умных офицеров для мародёрства; эти наряды мало чего находили и возвращались в меньшем количестве на несколько человек. Тогда-то и появились эти шайки тренаров (отставших. – В.Т., И.Г.), явившихся одним из главных бичей этого похода. Дисциплинарные меры, а то и полевые суды оказались бессильными в деле подавления беспорядков»¹⁶.

В таких условиях шёл воевать наш 20-летний парень из Ля-Шапельдю-Мон-де-Франс, в таких условиях он и пропал. 29 июля Пьер Савен не явился на ротную переключку. В контрольных списках есть графа № 16 «Даты и причины выхода из строя, гибели. Послужной список. Ранения. Прежние походы», куда занесли сухую формулировку: «En arrière du 29 juillet, n'a plus reparu, rayé le 31 décembre 1812». («Отстал от полка 29 июля и больше не появился. Вычеркнут 31 декабря 1812 г.»)

Нетрудно вычислить, что в день, когда была зафиксирована пропажа Пьера, 18-й линейный полк, пройдя Витебск, стоял в Яновичах на р. Вымнянка, направляясь в сторону Лиозно. Двигаться быстрее мешали части, шедшие впереди, за ними тянулась «длинная вереница отстающих и больных, которые с трудом плелись вдогонку за своими частями... по литовским пескам». Скот, предназначенный для еды, уже сильно поредевший, отставал от полка на трое суток¹⁷.

Кстати, место пропажи Пьера (район Яновичи – Лиозно) рисуют чёрными красками все мемуаристы. У Пеллепора Лиозно упоминается как «ничтожное захолустье почти без ресурсов, где нам не удалось собрать даже дрова и солому, столь необходимую, чтобы спастись от ударов знойного солнца и от сырости ночей»¹⁸. Для более сдержанного Боннэ этот

«день (перехода из Яновичей в Лиозно. – *В.Т., И.Г.*) выдался скверным»¹⁹. Солидарна с ними и Н.А. Дурова, попадавшая в эти места: «Яновичи. Кажется, здешняя грязь превосходит все грязи, сколько их есть на свете»²⁰.

Впрочем, пройдут десятилетия, и Марк Захарович Шагал, уроженец Лиозна, сможет реабилитировать свою родину в глазах мировой общественности красочными ностальгическими картинами с неподражаемыми полевыми цветами.

В дальнейшем потери 18-го полка продолжали быстро расти. Достаточно сказать, что когда 10 августа маршал Ней произвёл его смотр, то насчитал только 2 900 человек из 4 000, а ведь «мы, – пишет Пеллепор, – ещё не сделали ни одного выстрела!»²¹.

Среди однополчан Савена убитых вообще было очень мало, чаще всего запись гласила «потерялся», реже – «дезертир», иногда – «предположительно взят в плен» или (более уверенно) «взят в плен в таком-то месте», а то и «в плену». Позднее появляется пометка «госпитализирован». Почти у всех поголовно пометка: «Вычеркнут из регистра 31 декабря 1812 г.», и только единицы уцелели и были переведены в другие части. Очевидно, поэтому ни у нашего героя, ни у его товарищей по несчастью до самого вычёркивания из полка не зафиксировано ни малейшего продвижения по службе.

Всего же, по признанию Боннэ, к концу русского похода «из более чем 4 тыс. человек [полка] оставалось... шесть офицеров и 25–30 пехотинцев»²², т. е. выжило меньше 0,75%!

В истории нашего Савена, как в зеркале, видна слабость 18-го полка линейной пехоты в частности и всей Великой армии в целом. Это хорошо понимал и сам трезвомыслящий командир полка, отметивший в своих мемуарах: «Рассматривая [позднее] контрольные списки 18-го линейного, мне доказали, что четыре пятых потерь касались именно новобранцев, из чего можно смело сделать вывод о том, что, сократи мы численность Великой армии на 50 тыс. молодых парней (типа Пьера. – *В.Т., И.Г.*), мы бы придали ей бóльшую гибкость, ничуть не уменьшая при этом её оперативную силу»²³.

Таким образом, новобранцы вроде нашего несчастного бургундца, посланные жребием на эту авантюру, были скорее обузой, чем боевой силой.

P.S. Наверное, в очерке по истории нет места для лирики, но всё равно жалко юношу, оторванного судьбой от ласковой холмистой деревни Часовня-на-Горе-во-Франции и сгнувшего в грязи, обескуражившей даже отважную Надежду Дурову.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Военский К.А.* Последний из ветеранов «Великой армии» // Нов. время. 1894. 28 мая (9 июня). Прил.

² См.: *Готье И., Тотфалушин В.П.* Осколок империи, или История одной легенды // Родина. 2013. № 11.

³ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 476. Л. 1–2. Здесь и далее все переводы с французского языка выполнены Ивом Готье.

⁴ *Le Petit Parisien*. 1897. 26 févr.

⁵ Все департаментские архивы Франции работают в открытом доступе для всех посетителей любого гражданства, имеющих удостоверение личности. В стране проводится широкомасштабная работа по оцифровке актов гражданского состояния населения за всё время их ведения.

⁶ См.: Archives départementales de Saône-et-Loire (далее – AD–71). Registre des baptêmes, mariages et sépultures, 1799–1792. La-Chapelle-du-Mont-de-France. P. 54. URL: http://www.archives71.fr/arkotheque/arkotheque_visionneuse_archives.php?arko=YTo0OntzOjQ6ImRhdGUiO3M6MTA6IjIwMTMtMDUtMDMiO3M6MTA6InR5cGVfZm9uZHMiO3M6MTE6ImFya29fc2VyaWVsIjtzOjQ6InJlZjEiO2k6MTzOjQ6InJlZjliO2k6NzgyMDE7fQ == (дата обращения 16.05.2013).

⁷ См.: *Ibid.* P. 96–97. До реформы системы записи актов гражданского состояния, предпринятой революционными властями в 1792 г., фиксировалась только дата крещения, иногда с указанием даты рождения, чего в данном случае не было.

⁸ Документы военных архивов во Франции пока не размещаются в Интернете.

⁹ См.: AD–71. Liste des conscrits 1R–1811, 15/27.

¹⁰ AD–71, 54–4, 1811–1812.

¹¹ Service historique de la Défense. 21 Yc 162. P. 208.

¹² Pelleport V. de, général. *Souvenirs militaires et intimes de 1793 à 1853*. Paris; Bordeaux, 1857. Т. 2. См. об авторе мемуаров подробнее в кн.: Шиканов В.Н. Генералы Наполеона: биограф. словарь. М., 2004. С. 161.

¹³ Bonnet G., capitaine. *Journal du capitaine Bonnet du 18e de ligne (campagne de 1812)* // *Carnet de la Sabretache. Sér. 2*. 1912. Vol. 11. P. 641–672.

¹⁴ Pelleport V. de, général. *Op. cit.* P. 4.

¹⁵ *Ibid.* P. 6.

¹⁶ *Ibid.* P. 7.

¹⁷ *Ibid.* P. 9.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ Bonnet G., capitaine. *Op. cit.* P. 653.

²⁰ Дурова Н.А. *Избранные сочинения кавалерист-девицы*. М., 1983. С. 230.

²¹ Pelleport V. de, général. *Op. cit.* P. 11.

²² Bonnet G., capitaine. *Op. cit.* P. 666.

²³ Pelleport V. de, général. *Op. cit.* P. 12.